

ГЛАВА 2

Однажды ленивым летним вечером 1910 года во время званого ужина Дэйзи Фэй улизнула наверх, чтобы разыскать меня. По пути она ускользнула от прислуги, нанятой по такому случаю миссис Бейкер, прокралась, не скрипнув половицами, по коридору мимо зыбкого призрака Анабет Бейкер и не останавливалась до тех пор, пока не открыла дверь моей спальни.

Тот дом на Уиллоу-стрит выставили на продажу, когда мне было тридцать, и я вернулась туда, чтобы увидеть его в последний раз. Моя комната не изменилась со времен моего детства, а может, и со времен Элайзы Бейкер с ее фанатизмом и роковой хрупкостью, спавшей под кружевным розовым пологом и подолгу размышлявшей над атласами чужих стран. Эта постель всегда казалась слишком просторной, мягкой, как мятный

зефир, и мебели в спальне была присуща некая костяная тусклость, впечатление от которой не сглаживали даже полированные медные накладки. Я ничуть не расстроилась, увидев, как всю ее купили оптом, видимо, ей суждено было внушать ужас какому-нибудь другому ребенку.

От атласов Элайзы миссис Бейкер избавилась еще до моего приезда, так что из развлечений мне остались лишь нравоучительные книжки о детишках-паиньках, грызущих яблоки, плещущихся в ручьях и слушающихся родителей. Однако я обнаружила, что бумага в них приятно плотная, и в эту бежевую роскошь так и хочется вонзить острые ножницы. Поскольку в эти книги никто не заглядывал, кроме меня, я могла изрезать их, как мне заблагорассудится, начиная с конца, чтобы сделать мой вандализм не настолько заметным. Одни страницы я превратила в крошечные треугольнички и спрятала в зимние ботинки, стоящие в глубине стенового шкафа, другие украсила бахромой, как на платье девушки-ковбоя из шоу «Дикий Запад», на которое меня водили всего год назад.

Сегодня я старательно выстригала нимб над головой прилежной девчушки с корзинкой для рукоделия, когда дверь скрипнула и в комнату заглянула Дэйзи. Я застыла на кровати, рука с ножницами виновато замерла, а Дэйзи проскользнула внутрь, как вода сквозь решетку, и прикрыла за собой дверь.

— Ага! — произнесла она странно сипловатым голосом. — Значит, *ты* и есть язычница!

Я запихнула бумагу и ножницы под подушку и села так, что мои босые ноги свесились с края постели. На мне была батистовая ночнушка, отделанная лентами,

а на Дэйзи — нарядное короткое платьице из шуршащего розовато-сиреневого шелка. Ее аккуратные черные туфельки и темные чулки напомнили мне лисенка, которого я видела за домом однажды вечером, несколько дней назад. Как и тот лисенок, Дэйзи была совершенно бесстрашна — вошла ко мне, оглядела комнату и меня заодно невинными и алчными голубыми глазами. Тем вечером ей исполнилось десять лет, на два года больше, чем мне, согласно догадкам Элайзы Бейкер, и ровно столько же, сколько мне было на самом деле, хотя прошло немало времени, прежде чем я об этом узнала.

— Так я и думала, что увижу тебя сегодня, — продолжала она. — Мама говорила, ты точно такая же, как те, кто стирает нам белье, но ты же *не* такая, верно? Я вижу, ты на них совсем не похожа — ты какая-то *другая*...

Мне захотелось зажать уши ладонями, чтобы превратить поток ее слов. Миссис Бейкер в речах была прижимиста, судья — тем более. Образование я получала дома, у домашнего наставника, поэтому никогда прежде не слышала, чтобы кто-нибудь болтал без умолку, как Дэйзи. Я ответила скорее чтобы остановить ее, чем из желания поддержать разговор.

— Меня спасли из Тонкина, — сообщила я. — Мисс Элайза меня спасла. Когда я была маленькой.

Ее глаза сделались огромными и круглыми, как блюдца. Я увидела белки со всех сторон вокруг радужки, и мне вспомнилась обезумевшая лошадь. Небольшое расстояние, разделяющее нас, Дэйзи преодолела так привычно, словно находилась у себя в комнате, и схватила мою руку обеими руками. Ее пальцы были

горячими и мягкими. От нее слабо пахло цитрусом, перцем, сосной и мускусом — материнскими духами «Букет Бленхейма», скромно нанесенными за ее изящные ушки. Этот запах и заставил меня помедлить, прежде чем я оттолкнула ее, но в моем воображении он прочно прилип ко мне.

— О, *дорогая*, обязательно Расскажи мне о Тонкине все-все! Я-то ведь родилась в скучном старом Луисвилле и вообще нигде не бывала! А про Тонкин я слышала. Папа знаком с людьми, которые вели там торговлю, когда еще французы им разрешали, и по рассказам он намного прекраснее, элегантнее и благороднее, чем Китай. Пожалуйста, Расскажи мне!

— Я же была совсем крошкой... — заметила я, но, когда из ее глаз начал улетучиваться восторг, ощутила прилив отчаяния — бесформенного и бессловесного, но от этого не менее острого. Я крепко вцепилась ей в руку. Мне не хотелось оставаться одной.

Я вспомнила слова мисс Элайзы о том, что в раю повсюду на улицах золото, но до него никому нет дела. К тому времени она уже была не в силах встать с постели и шептала про рай так, словно видела его над самым пологом своей кровати и дотянулась бы до него, если бы только могла сесть.

— Он золотой, — выпалила я. — И крыши, и стены, и даже улицы. В полдень нам приходилось спать, потому что на солнце золото сияло так ярко, что мы могли ослепнуть.

— Золотой город?

Если бы я уловила в ее голосе хотя бы тень сомнения или враждебности, то расплакалась бы, пойманная на такой чудовищной лжи. Тонкин я совсем не помню

или, по крайней мере, уверила себя в этом, но если я что и знала наверняка, так это то, что он вовсе не золотой.

Но в ее глазах не было ничего, кроме чистого доверчивого восторга, и она придвинулась ближе, села рядом со мной на постель.

— Расскажи еще, — велела она, и я подчинилась.

Несмотря на то что мне давали читать только благопристойные книжки, в детстве я обладала неистовым воображением. Рассказывая Дэйзи о летающих воинах, которые одним взмахом меча сносили головы визжащим девам, о женщинах, разъезжающих верхом на слонах, и о двух лунах, поднимающихся по ночам в небо, я чувствовала себя иссушенной почвой, на которую наконец-то пролился дождь. Она сидела рядом, в задумчивости держала меня за руку и изредка проводила ноготками по линиям на моей ладони.

Выдохлась я наконец, когда рассказывала ей об огромных танцующих львах, тех самых, которых жрецы вырезают из плотной красной бумаги так искусно, что, когда наконец распадаются обрезки, можно увидеть круглые выпученные глаза, разинутые пасти и каждый тугий завиток на пышной гриве. За время моей паузы Дэйзи успела задуматься, потом потянулась, сунула руку под мою подушку и извлекла ножницы и изуродованную книжку с картинками.

— Покажи, — попросила она, и неизвестно почему я не сумела придумать никаких отговорок: не сказала, что танцующих львов разрешено вырезать только жрецам или что я слишком устала, слишком слаба, слишком юна для такой работы.

Вместо этого я потакала лжи, каждое мгновение ощущая груз внимательного взгляда ее голубых глаз

на моих руках. Вскоре мне придется сдаться, но не сейчас, пока между нами еще натянут хрупкий мостик чистого доверия и ожидания чуда.

Я открыла новую страницу в середине книги — на ней Джордж и Джейн наловили светлячков в банку с крышкой — и принялась вырезать. Даже в том возрасте я понимала, что скоро все будет кончено. Я вырежу из бумаги хлипкого, невзрачного льва, и Дэйзи поймет, что я обманщица.

Но почему-то этого не произошло.

Вместо этого, пока я выкраивала приблизительные контуры льва из умильных улыбок Джорджа и Джейн, мои руки двигались не менее, а все более уверенно, и казалось, будто свет моей маленькой лампы для чтения потускнел. В своей жизни я видела живого льва всего один раз, и это был беззубый и злобный зверь, привезенный в город дешевым цирком. Через два города после Луисвилла он убил малолетнего акробата, которому не повезло пройти слишком близко, и в глубине души я не удивилась. Мысленным взором я видела гривы, курчавые, как клубы пара, и вместе с тем — рыжий клубок шерсти, свалывшийся и плешивый. То, что я вырезала из плотной шероховатой бумаги, представляло собой нечто среднее, как и четыре лапы, заканчивающиеся изящно изогнутыми острыми когтями, хвост, завернутый на спину зверя, и изгибы мышц на львиных ляжках и плечах.

Я отмечала дыхание Дэйзи у меня над ухом, деликатное тиканье часов из позолоченной бронзы на каминной полке, далекие голоса гостей за ужином, внизу. Все это принадлежало другой стране, потому что, пока я выстригала бумагу вокруг львиных челюстей,

мои пальцы обдавало жарким дыханием. В нем ощущалось бремя кошачьего нетерпения, и я резала быстрее, мои движения становились небрежными и в то же время более плавными. Лезвия двигались по некой изогнутой линии, которую я не видела, а чувствовала. Один раз я была уже почти уверена, что все испортила, но тут длинный извилистый обрезок отвалился от фигуры, и лев обрел форму.

— Как красиво! — ахнула Дэйзи, когда я предъявила льва ей на оценку.

Даже одного этого оказалось бы достаточно. Но это, конечно, было еще не все.

Зажатый в моих тонких пальцах, бумажный лев задрожал, как на ветру. Он извивался, он плясал, и вскоре четыре вырезанные лапы замолотили воздух в поисках точки опоры, а потом задние лапы изогнулись дугой и оцарапали мне запястье. Лев был всего лишь бумажным, размерами меньше котенка, он просто не мог оцарапать меня, но барахтался так, что я невольно отшатнулась, уверенная, что, повернув руку, увижу на ней четыре тонкие царапины, выстроившиеся в ряд.

Дэйзи издала крик удивления, я прикусила язык. Мы увидели, как лев спорхнул на пол, приземлившись тяжелее, чем следовало бы бумаге. На мгновение он помедлил, словно был сбит с толку своей бумажной сущностью так же, как и мы, а потом подобрал под себя все четыре лапы и несколько раз повернулся на месте. Что-то изменилось, теперь он был не просто фигуркой из плотной бумаги и воплощением отчаянного желания ребенка заслужить одобрение. Он стал памятью о свирепом льве и далеких землях, в нем возникли дыхание, обида и стремление. Вырезанные мной

пустоты стремительно заполнялись мышцами и шерстью, и мы взирали на него, как замороженные, пока не заметили, что он еще и растет.

— Джордан! — вскрикнула Дэйзи, схватив меня за руку. Ее острые ногти вонзились в мое голое плечо, но я представляла, что делать, не больше, чем она. Мы уставились на существо, которое вращалось и росло прямо у наших ног, обе ощущали на лицах его жаркое и едкое дыхание, воняющее кровью ребенка-акробата, который летал над головами тысяч зрителей, но никогда не спал в настоящей постели.

В панике я метнула в существо ножницы, а увидев, что ничего этим не добились, плашмя сбросила на него книгу. Она подействовала: существо взорвалось жадным пламенем, из-под книги вырвался негодующий и яростный рев, заставивший нас обеих изумленно взвизгнуть.

Мы сидели с ногами на постели, я цеплялась за Дэйзи так, словно и не я одна все это натворила. И уже чуть не плакала, когда Дэйзи вдруг потянулась к тумбочке у моей кровати, на которой Томасина каждый вечер оставляла высокий стакан воды. Дэйзи схватила стакан и у меня на глазах, почти не глядя, вылила на пламя. Оранжевое пламя с пронзительным и злобным шипением отступило, пышными, как подушки, клубами повалил грязно-серый пар. Мы с Дэйзи застыли, крепко держась за руки и дружно склонив головы, не сводя глаз с тлеющей мешанины, которая еще недавно была движущимся, живым бумажным львом.

— Извини... — чуть не плача, пробормотала я, но она игриво усмехнулась мне.

— Ничего, это был удивительный...

И тут распахнулась дверь: миссис Бейкер и мать Дэйзи, а за ними — еще полдюжины нарядно одетых взрослых. Я тщетно подыскивала хоть какое-нибудь объяснение в надежде убедить их, что я не виновата, но Дэйзи оказалась сообразительнее.

Она разразилась громкими пронзительными рыданиями, моментально перейдя от оцепенения к страдальческим и трагическим воплям. Сидя плечом к плечу с ней, я почувствовала, как ее трясет, и вдруг с немым удивлением поняла, что она ничуть не притворяется.

Из коридора послышался рык, и в мою сахарно-розовую, полную дыма комнату ворвался, словно медведь на пасеку, мистер Фэй. Он сграбастал Дэйзи в объятия, она вцепилась в него так же крепко, как он схватил ее. Они переговаривались вполголоса на языке, который, как я узнала позже, знали только они, — это был шифр общей крови и красоты, осколки некой викторианской магии, которой мистер Фэй обучался в Йеле.

Он вынес всхлипывающую и дрожащую Дэйзи из моей комнаты, а тем временем миссис Бейкер наклонилась и опасливо потрогала пальцами сырую кашу, которая еще недавно была львом. Отхлынув, мой ужас обнажил неожиданное горе: лев ожил, а теперь исчез.

Миссис Бейкер выпрямилась, вытирая пальцы об один из моих носовых платков, лежавших неподалеку, и раздраженно взглянула на меня. Как я уже говорила, она была женщиной, скупой на слова. Этим словам предстояло градом острых камней обрушиться на меня утром, а сейчас она только повернулась к своим гостям, предлагая им пройти в гостиную, где их ждали атмосфера уюта и покоя и хороший портвейн.

Прежде чем уйти, она резким щелчком погасила лампу на моей тумбочке, а потом закрыла дверь, оставив меня в темноте, которая урчала от ярости и пахла мокрой ватой и жженой бумагой.